

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

О.Н. Селиверстова. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с. (Studia philological).

Писать рецензию на эту книгу и легко и очень трудно. Легко потому, что бесконечно богатые по своему содержанию работы Ольги Николаевны Селиверстовой дают пищу для размышлений и осмысления многих актуальных для современной лингвистики проблем, зачинателем в разработке которых была и Ольга Николаевна. Трудно, во-первых, потому, что ее уже нет с нами, и на те вопросы, которые неизбежно – именно в силу интеллектуальной щедрости, таланта и оригинальности лингвистического мышления автора рецензируемых работ – возникают в процессе чтения и в развитии идей и мыслей, высказанных в ее работах, она не сможет ответить. Это, с моей точки зрения, в определенном смысле ограничивает рецензента. Во-вторых, книга содержит в себе целый ряд самостоятельных фундаментальных работ, каждая из которых заслуживает и требует самостоятельного, отдельного разговора, даже если рецензии на эти работы и были в свое время написаны. И в одной рецензии охватить все проблемы, поднятые автором на пространстве почти в тысячу страниц, невозможно. Но уже сам факт того, что ее работы по семантике собраны и изданы как определенная целостность, заслуживает самого глубокого признания и благодарности в адрес тех, кто задумал и осуществил эту идею.

Составители включили в книгу монографические работы О.Н. Селиверстовой, вышедшие в свет с 1975 по 1998 годы и посвященные разработке, как справедливо отмечается в аннотации, фундаментальных теоретических и методологических проблем семантики: “значению, верификации семантических гипотез, компонентному анализу”. Конкретными объектами анализа являются местоимения, семантические классы глаголов мышления и восприятия, бытийные и посессивные модели предложений, дистантные, пространственные и

посессивные предлоги и наречия русского и английского языков; в процессе анализа из поля зрения автора не выходит – как один из важнейших факторов речевой реализации языковых единиц – коммуникативная структура предложения. Такой “голографический” подход (абсолютно правомерный и, возможно, наиболее продуктивный в современной лингвистической парадигме) делает работы О.Н. Селиверстовой не просто важными и интересными для широкого круга лингвистов, ее работы становятся источником материала, необходимого для адекватного описания языка в ходе дальнейших лингвистических исследований независимо от концепций и позиций авторов, что уже само по себе предсказывает рецензируемой книге долгую и продуктивную жизнь.

Две первые работы: “Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания” (раздел из коллективной монографии “Принципы и методы лингвистических исследований”. М., 1976) и “Некоторые типы семантических гипотез и их верификация” (раздел в коллективной монографии “Гипотеза в современной лингвистике”. М., 1980) – предлагают рассмотреть в первую очередь методологического и концептуального аспектов лингвистического анализа содержательного пространства языка. В этом отношении принципиально важны и интересны уже зачины обеих работ. Первая работа начинается с вопроса о границе между языком и речью, как о факторе, определяющем в конечном счете цели и методы лингвистики (с. 28), а в заключение абсолютно справедливо утверждается неразрывная связь между ними. В начале второй – автор сетует на отсутствие в лингвистике “четкой границы между гипотезой и уже доказанной теорией, между гипотезой и уже доказанным результатом” (с. 59). Решению (или подходам к решению) этих задач и посвящены обе работы. В

первой из них дается очень глубокий и интересный обзор-анализ основных теорий и концепций семантического анализа, существовавших к середине семидесятых годов в западном и отечественном языкознании. Подводя итоги аналитическому обзору “положения дел” в области семантического анализа, О.Н. выделяет четыре типа информации, передаваемой через языковой знак: 1) смысловую, 2) стилистическую, 3) экспрессивную и, отметим, 4) конфигуративную, под которой понимаются условия дополнительной дистрибуции, определяющие запреты или допущения на синтагматику языковой единицы, на возможность/невозможность ее употребления в тех или иных грамматических построениях. Эта информация представляется нам принципиальной: она используется как операциональный метод верификации смыслов и значений.

Собственно зерно и итог этой работы сконцентрированы в последнем разделе, посвященном методике семантического описания и критериям правильности полученных результатов (с. 45). Из всего множества (в математическом смысле этого слова) рассмотренных автором проблем остановимся на двух, которые, как представляется, в настоящее время могут быть осмыслены несколько по-иному. Это, во-первых, сбор языкового материала, необходимого для построения первоначальных гипотез (“сбор фактов и их дедуктивное обобщение”), и, во-вторых – оценка правильности/неправильности употребления данной единицы (с. 46).

“Количество собранных случаев употребления анализируемых единиц должно быть достаточно большим, – совершенно справедливо утверждает автор. – Примеры могут выбираться как из устной, так и из письменной речи. Особенно полезным для выработки первоначальной гипотезы обычно оказываются предложения, взятые из художественных произведений...” Что касается количества употреблений, заметим, что наличие компьютера позволяет нам сейчас, с одной стороны, собрать на порядки больше употреблений, нежели это было возможно в докомпьютерную эпоху, когда писалась работа, а с другой – значительно расширить представительность материала. Количество же употреблений и диапазон их употребления позволяют выйти на новое качество анализа и в ряде случаев дают совершенно иное представление о состоянии языка. Что же касается художественной литературы, то отметим, что в настоящее время она является – пусть самым совершенным – но только одним из функциональных стилей. Среди других в первую очередь назовем функциональный стиль научной речи, окончательно

сформировавшийся в русскоязычном ареале не ранее начала восьмидесятых годов прошлого века и располагающий множеством подстилей (например, подстили лингвистики и медицины, химии и географии, литературоведения и экономики, юриспруденции и искусствоведения и пр.), различающихся отнюдь не только терминологией, но и синтаксисом, и наличием специфических единиц (ср., например, медицинское *кнутри и кпереди от почки*). Это стиль делового общения, пользующаню которым, оказывается, нужно учить и носителей языка и инофонов, и стиль СМИ. Огромный источник живого употребления являет собой и язык нашего повседневного общения, который нельзя свести только к жанру “разговорный”. Не здесь ли возникают новации как в лексике, так и в грамматике? В этом отношении справедливым представляется замечание нашей польской коллеги Беаты Милевской о том, что в результате последних глобальных изменений, в частности, возросшего языкового воздействия СМИ понятие литературного кодифицированного языка размывается, возникает своего рода “общий” язык (*B. Milewska. Przyimki wtórne we współczesnej polszczyźnie. Gdansk, 2004*). Как бы то ни было, но в поле внимания и интересов лингвистики может и должен быть весь язык в целом со всеми типами употреблений. Выявление и фиксация функциональных стилей в настоящее время – это тоже насущная лингвистическая задача, о чем О.Н. подробно говорит и в монографии о компонентном анализе многозначных слов. Думается, что структура функциональных стилей в настоящее время несколько иная, нежели тридцать лет назад.

Что касается оценки степени правильности выделенных употреблений, О.Н. абсолютно справедливо обращается к положению Л.В. Щербы об “отрицательном материале”, но заметим, что следовало бы (нам, в настоящее время) более четко определить это понятие, поскольку это вопрос соотносительности системы и нормы в языке. Можно предположить, что носитель языка может постоянно нарушать норму, но, думается, не может выйти за рамки системы своего языка. И многие “неправильные” с точки зрения кодифицированной нормы употребления оказываются, по нашим наблюдениям, не просто частотными, а системными для определенных условий общения и выявляющими некоторые системные характеристики, в частности, русского языка. Мой личный опыт преподавателя русского языка как иностранного позволяет предполагать, что наиболее чистым “отрицательным материалом” являются ошибки инофонов, что касается информантов-носителей русского языка при проверке фактов русского же языка, то оказа-

лось, что, например, многие высоко оstepененные коллеги-филологи считают правильными выражения типа в *бытность моей учебы в университете*, хотя лично для меня это за рамками возможного употребления. Я сама могу не употреблять такие единицы, но зафиксировать факт их системного существования – святая обязанность исследователя. Другое дело – информанты-носители иностранного для лингвиста языка: в работах самой О.Н. обращение к англичанам-информантам подтверждает успешность применения этого метода в целях верификации правильности наблюдений в области разных типов языковых единиц английского языка и сделанных на их основе выводов, хотя субъективности в оценке ими правильности/неправильности предложенных вариантов остается.

В заключение статьи О.Н. перечисляет основные положения работы, из которых выделю два первых, поскольку, как мне кажется, они – с учетом современных данных – в некоторой степени входят в противоречие с заявленным здесь же тезисом о неразрывной связи языка и речи (не будем забывать, что это работа тридцатилетней давности): 1. Язык есть систематизированный инвентарь единиц, с помощью которого порождается речь, а не система порождающих процессов. 2. В основном язык представляет собой систему знаков, а не инвентарь правил (с. 54). Если язык и речь неразрывно связаны, то речь – это фактически реализация языка, происходящая по определенным правилам и с применением некоторых механизмов. И тогда те правила и механизмы его реализации, которые автор из языка исключает, но которые определяют смысловую и грамматическую правильность речевых построений, должны входить в язык. Эти правила и механизмы, в принципе единые фундаментальные характеристики языка, в своей конкретной реализации различны даже для близкородственных языков, и где же им храниться, как не в самом языке? Современный материал позволяет предложить такую формулировку системности языка как его имманентной характеристики: системность языка есть его свойство самоорганизации, самоструктурирования и саморазвития.

Основным объектом второй из названных работ является эксперимент в лингвистике и условия его применения на фоне широкого рассмотрения вопросов о лингвистической гипотезе, о взаимодействии смежных наук, например, лингвистики и нейрофизиологии, о корректности словарных толкований, о роли внеязыковых условий коммуникации на выбор возможных вариантов речевых построений для сообщения об одной и той же денотатив-

ной ситуации, о способах разграничения гипотезы, уже доказанных положений и самоочевидных фактов, о лингвистическом эксперименте и работе с информантами. Пожалуй, основной пафос этого раздела направлен на теоретическое обоснование компонентного анализа, которым автор (в числе других методов) блестяще пользуется в каждой из представленных в книге пяти крупных и в принципе хорошо известных лингвистам монографий. Именно их известность позволяет не пересказывать подробно их содержание, а остановиться в первую очередь на актуальности этих работ как для современной лингвистики, так и возможных направлений дальнейших исследований, а также на вытекающих из результатов этих работ положениях и их возможно, с моей точки зрения, применении в теории и практике описания языка.

Монография “Компонентный анализ многозначных слов” (М., 1975) развивает положения, обоснованные в первых двух работах на конкретном языковом материале. Объектом анализа являются глаголы *иметь* и *быть* в модели *у X-а (есть) Y*, а также глаголы *принять*, *получить*, *дать*, *взять*. Автора интересует семантический потенциал каждого из глаголов. Для каждого глагола автор выделяет типы информации, в первую очередь, смысловой. Практически общими для всех глаголов оказываются: информация о наличии свойства, чувства, представления, информация о наличии действия и его результата, информация о наличии элемента субъектности, что говорит о правомерности объединения именно этих глаголов для данного анализа. Есть и другие виды смысловой информации, практически для каждого глагола в ряду видов смысловой информации рассматриваются некоторые специфические сочетания типа, например, *принять командование*, *принять совет* в главе о глаголе *принять* или *дать возможность*, *дать на анализ*, *на рецензию* в главе о глаголе *дать*. Предложенные автором интерпретации отличаются тонкостью анализа, глубиной проникновения в скрытые соотношения смыслов. Несомненно, все результаты, полученные О.Н., корректны и актуальны. Они – основа и образец как для исследования других групп лексики, так и продолжения работы над этой группировкой. Представлю одно из возможных направлений на примере глагола *получить*. Исследования последних лет показали, что в сочетаниях *получить письмо* – *получить рану/удар* – *получить возможность* глагол *получить* имеет разный языковой статус. Очевидно, что в сочетании типа *получить письмо* глагол выступает в своем иконическом значении, имея объектную валентность, ср.: *написать*

письмо, **прочитать** письмо, **послать** письмо и под.; и, вероятно, во многих других языках здесь системён соответствующий коррелят русского глагола. Модель “X получил Y”. Сочетания **получить рану/удар** являют собой конверсивы к сочетаниям **нанести рану/удар**, которые в свою очередь суть описательные предикаты (в терминах В.А. Белошапковой), или глагольные лексические функции (в терминах Мельчука, Жолковского и Ю. Апресяна) глаголов **ранить** и **ударить**: X **ранил/ударил** Y-а – X **нанес** рану/удар Y-у – Y **получил** рану/удар от X-а. Как видно, **рана, удар** входят не в актантную рамку, а в состав предиката. Описательные предикаты представляют собой аналитические дескрипции с грамматически зависимым, но содержательно главным существительным и строевым глаголом-экспликатором (термин Т.В. Шмелевой, компенсатор в терминах Г.А. Золотовой). Интересно, что если глагол **ранить** даёт страдательный оборот: *Его ранили – Он был ранен*, то глагол **ударить** страдательного залога не образует: *Его ударили* – *Он был ударен. Это, кстати, конфигуративная информация в концепции О.Н. Селиверстовой. Соответственно в русском языке возможен только структурный аналог конверсива **получить удар**, если в позицию подлежащего мы ставим имя пациента, Y-а. И здесь не глагол **получить** “выбирает” существительное, а слово **удар** – как основной представитель предиката – “выбирает” данный глагол. Этот глагол “выберут” далеко не все аналогичные слова: можно **получить рану**, **травму** (причем, даже если есть только X: *Он упал и получил травму*), **множественные переломы, ушибы, сотрясение мозга, инфаркт** (но не инсульт?), **воспаление легких**, но нельзя ***получить грипп, ангину, корь** (которые “выберут” глагол **заболеть**), что абсолютно правильно, например, для китайского языка, где эти сочетания суть корреляты русских *Он болен/болеет ангиной, гриппом*, поскольку в китайском, как и в английском корреляты русских слов **болеть, болен** не сочетаются с названием болезни. Ср. принципиально другое значение в сочетании **получить инвалидность**: можно быть инвалидом, но не иметь инвалидности, то есть определенного социального статуса. Таким образом, мы выбираем глагол в зависимости от нужного нам существительного. Сочетания **получить право, получить возможность** как и **получить способность** суть фазисные модификаторы со значением начала состояния. Ср. их конверсивы: *дать/предоставить право чего/что делать, дать/предоставить возможность чего/что делать*, но не *дать способность. И здесь содержательно “главным” является не глагол, а

существительное со значением внутрисинтаксической модальности, причем, только возможности, ср.: **получить необходимость/обязанность/долг/вынужденность/желание*. Важно, что само модальное слово есть строевой компонент – модификатор в структурно-семантической модификации модальности ядерной модели предложения, требующий постановки инфинитива или существительного в род, пад.: *Я голосую – Я имею право/получил право голосовать/голоса, Я учусь – Я могу/получил возможность учиться, Я читаю чужие мысли – После выхода из комы я оказался способен/получил способность читать чужие мысли*. Интересно, что нашим сочетаниям *дать возможность и сделать возможным/невозможным* соответствуют польские глаголы *umożliwić/unieвозмоżliwić*, что косвенно говорит о вторичности наших сочетаний. Результаты О.Н., несомненно, позволят в дальнейшем объяснить “капризы” в сочетаемости тех или иных групп существительных с экспликаторами.

Следующая из помещенных в книгу работ О.Н. Селиверстовой, посвященная английскому глаголу **TAKE** в группе глаголов мышления и внутреннего восприятия (раздел “Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа **TAKE**” в коллективной монографии “Семантическое и формальное варьирование”. М., 1979), интересна не просто результатами анализа в рамках английского языка и выводами, отсутствующими в самых авторитетных английских словарях, но и перманентными сопоставлениями с русским языком. Она достойна отдельного внимательного рассмотрения, в том числе и в синтаксическом аспекте, поскольку глаголы мышления часто выполняют функции модификаторов авторизации, но, например, русский эквивалент глагола **take** в его первичном значении **брать, взять** до сих пор в нашем синтаксисе как способный выступать в составе группы глаголов мышления не упоминался, ср., однако, разговорное аналитическое: *не бери себе это в голову = не думай об этом*. Основные типы смысловой информации, свойственные глаголам, передающим идею мышления и внутреннего восприятия, выявленные автором в этой работе, должны быть учтены как при словарном толковании соответствующих глаголов, так и при анализе категории авторизации в русском языке, которая еще ждет своего описания.

Две следующие работы – очень разные по объектам описания – удивительно четко показывают универсальность используемой автором методики семантического анализа языковых единиц. Монография “Местоимения в языке и речи” (М., 1988), как следует из названия, посвящена одному из категориальных клас-

сов – местоимениям, а монография “Контрастная синтаксическая семантика. Опыт описания” (М., 1990) – моделям предложений и типам предикатов. В работе о местоимениях, с одной стороны, представлен взгляд автора на категорию местоимений как части речи с учетом всего многообразия существующих в лингвистике подходов, а с другой, – буквально “под лупой” рассмотрены русские личные и указательные местоимения, неопределенные с *-то* и *-нибудь* (последнее и в сопоставлении с отрицательным *ни-*) и английские с *-one* и *-body*; в отдельной главе дан контрастивный анализ пары *любой* и *any*. Анализ неопределенных местоимений достаточно широко представлен как в собственно теоретической, так и прикладной дидактической литературе, посвященной описанию русского языка как иностранного, К сожалению, из всей этой литературы автор ссылается только на один из учебников 1966 г. Вместе с тем, к разряду неопределенных относятся не только местоимения с *-нибудь* и *-то*, но и с *-либо* и *кое-*. В теории и практике описания русского языка как иностранного выделены достаточно четкие параметры как инвариантного, так и вариативного употребления этих местоимений (пожалуй, не сформулирован пока алгоритм выбора между местоимениями с *-нибудь* и с *-либо*) в разных типах речевых построений. Нам был бы в высшей степени полезен критический взгляд с позиций концепции О.Н. Мы не можем взять все “в готовом виде” из этой работы и в силу сложности метаязыка, и в силу ряда других причин, но сопоставить и “пересформулировать” в прикладных целях ряд положений можно и нужно. Если же говорить об общелингвистических задачах, то выявился значительно более ограниченный синтагматический потенциал местоимений по сравнению с существительными, которые они призваны замещать. Так, местоимения не присоединяют родительный приименной, ср.: *все сотрудники института*, но не **все института*, а только *все в институте*; личные местоимения сами очень неохотно встают в эту позицию, и тогда их приходится замещать притяжательными или определительными, ср.: *с помощью ножа*, но не **с помощью него*, а только *с его помощью*; *в роли посредника*, но не **в роли него*, а только *в этой роли*; в некоторых категориях (время, состояние) анафорическое местоимение вообще не выступает, ср.: *Это наш дом, и в нем есть магазин* (локатив), но: **Завтра среда, а в нее у меня семинар* (темпоратив); *Он был под арестом три дня, и *Его взяли под арест, и он был под ним три дня* (статив). И что нам предлагает язык в этом случае? Функционирование местоимений в динамике, в речевых постро-

ниях представляется мне одним из интереснейших направлений в лингвистических исследованиях ближайшего времени, и обращение к монографии О.Н. Селиверстовой даст нам много ценных фактов и идей.

Фундаментальная работа 1990 года, развивающая идеи работ 1975 и 1976 гг., заслуживает отдельного обсуждения и, думается, еще очень долгое время будет источником вдохновения, дискуссий и размышлений для нескольких поколений лингвистов. Она охватывает категории экзистенциальности, локативности и посессивности, оказавшиеся теснейшим образом связанными между собой как в русском, так и в английском синтаксисе и, соответственно, в русском и английском языковом сознании, но различным образом в нем структурированными. В силу уже названных причин не буду обсуждать здесь саму концепцию О.Н. Селиверстовой, очень многие положения которой я разделяю, в частности, например, положение о необходимости формализованной записи модели предложения (структурной схемы). Ограничусь очень частными мыслями, касающимися двух частных положений. Первый вопрос касается уровневой характеристики предикатов. В данной работе, как и в работе “Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка” // Семантические типы предикатов. М., 1982 г., не вошедшей в книгу, семантический тип предиката рассматривается в тесной связи с его частеречной выраженностью. Поэтому глагол *болеть* относится к процессам, а прилагательное *болен* к состояниям. Но независимо от того, болен человек или болеет, есть только две возможности: выздоровление или кончина. Даже стагнация заканчивается кризисом. Можно сказать, что состояние – на денотативном уровне – это замедленный процесс. У нас нет ни одного случая, когда бы эти слова можно было противопоставить, например, в модели : *Нет, он не болен, а болеет*. Как объяснить англичанину или немцу, в языках которых есть только прилагательное: *ill, krank*, или китайцу, который считает, что китайское слово с этим значением – это глагол, различия в значении и правила выбора глагола или прилагательного в русском языке? В нашей, прикладной модели мы, вслед за Т.В. Шмелевой и Е.В. Клобуковым, рассматриваем денотативные, а не семантические типы предикатов, возможно, понимая слова “денотативный уровень” не совсем так, как их понимают “чистые теоретики”, и считаем, что денотативный уровень формирует содержательный инвариант предложения, находящий свое иконическое, прототипическое выражение в изосемической изоморфной структуре,

а семантический – ракурс его подачи. С этой точки зрения предложения *Он болеет/болен гриппом* оба изосемичны и изоморфны, с тем, что (это свойственно славянским языкам) здесь информация о состоянии (болеет/болен) конкретизирована названием болезни, что невозможно при соответствующих словах ни в одном из трех упомянутых языков. Предложение *У него грипп* – это уже решение определенных коммуникативных задач, где подлежащее *грипп* и на денотативном, и на семантическом уровне конечно же предикат состояния. Члены предложения и части речи, с одной стороны, и денотативные роли, с другой, не связаны жесткой связью.

Второй вопрос связан с представлением темарематической организации предложения. Жаль, что в нашей лингвистике до сих пор не выработаны общепринятые средства маркировки компонентов коммуникативной структуры предложения с учетом типов интонационных конструкций: глубоко и тонко разработанный автором материал русского и английского языков в буквальном смысле “вопиет”, требуя более формализованного представления, что обеспечивает однозначность понимания и прочтения.

Наконец, последняя из представленных работ О.Н. Селиверстовой “Русские простран-

ственные и дистанционные наречия и предлоги” (см. книгу *Е.Н. Мальяр, О.Н. Селиверстова. Пространственные и дистанционные наречия и предлоги в русском и английском языках // Slavistische Beiträge. Bd 362. München, 1998*) представляет очень успешный опыт выявления концептов, как называла эти смыслы сама О.Н., свойственных русским предлогам, способным выступать и в роли наречий. И как человек, занимающийся и предлогами, и пространственными отношениями, я могу только низко поклониться перед памятью автора этой работы. О.Н. поставила перед нами новые задачи, дав путеводную нить к их решению.

Выше было сказано о некоторой сложности метаязыка в ряде работ автора. Это не в упрек. Одним из главных достоинств всей деятельности О.Н. можно назвать стремление найти формализованные способы представления языковых объектов, в том числе и структуры смыслов. Нашей науке очень не хватает этого аппарата формализации. Поэтому опыт Ольги Николаевны Селиверстовой и в этой области представляет несомненный интерес и заслуживает изучения.

М.В. Всеволодова